

М.А. КЛУПТ

СЕМЬЯ В РОССИИ И КИТАЕ: МЕЖДУ РЕФОРМАМИ И ТРАДИЦИЕЙ

КЛУПТ Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия (klupt@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена описанию и теоретическому объяснению феноменов, возникающих в России и Китае в результате взаимодействия реформ и традиций в семейной сфере. Характеризуется концепция неофамилизма, трактующая его возникновение в современном Китае как результат такого взаимодействия. В России приверженность традиционным ценностям, декларируемая при опросах значительной частью респондентов, свидетельствует о неприятии ими новых западных паттернов в сфере сексуальности и брака, но не о возврате к патриархальным практикам. Более высокие по сравнению с Западом уровни брачности и разводимости, наблюдаемые как в России, так и в Китае, показывают, что хотя зарегистрированный брак остается идеалом, достижение гармонии в нем оказывается столь же сложным, как и в западных обществах. Теории, акцентирующие внимание на институциональной специфике незападных обществ, дают более полное объяснение изменений в отношениях государства, семьи и индивида в России и Китае, нежели универсалистские и однолинейные концепции.

Ключевые слова: семья • Россия • Китай • неофамилизм • реформы • традиционные ценности

DOI: 10.31857/S013216250004957-5

Политические и экономические реформы в России и Китае повлекли за собой ряд новых, но пока не получивших осмысления феноменов в отношениях государства, семьи и индивида. К их числу относятся возникновение неофамилизма в Китае и возвращение к традиционным ценностям, декларируемое в России концепцией государственной семейной политики и – в ходе опросов – немалой частью населения. Настоящая статья представляет собой попытку эмпирического описания и теоретического осмысления этих феноменов. Такое осмысление, в свою очередь, делает неизбежным обращение к давнему спору о способности теорий, построенных преимущественно на западноевропейском и североамериканском материале, объяснить происходящее за пределами Запада.

Китай: возникновение неофамилизма. Недавняя дискуссия о том, способствует ли применение концепции индивидуализации, разработанной У. Бекон и Э. Бек-Герншайм, лучшему пониманию процессов, происходящих в современном Китае, выявила противоположные позиции по данному вопросу. Юньсян Янь [Yunxiang Yan, 2010] полагает, что ход событий в Китае свидетельствует о нарастающей индивидуализации китайского общества. Дж. Барбалет [Barbalet, 2016], напротив, считает, что в условиях современного Китая «тезис индивидуализации» противоречит реальным фактам. Реформы, по его мнению, отнюдь не ослабили особую значимость семейных связей и обязательств в жизни индивида и китайского общества в целом. Аргументируя свою точку зрения, Барбалет показывает, что именно семья и домохозяйство обеспечивают работнику занятость и доход в случае потери им рабочего места в государственном секторе. Многомиллионные трудовые миграции, которые Янь приводит в качестве примера индивидуализации, Барбалет, напротив, называет семейным проектом.

Плодотворный синтез названных позиций представляет концепция неофамилизма. Лань Кан [Lan Kang, 2016] считает важнейшим его проявлением новый баланс индивидуальных и семейных ценностей, при котором индивид уже не подавляется семьей, а стремится гармонично сочетать самореализацию и интересы семьи. О неофамилизме говорит и Янь [Yunxiang Yan, 2017], что неудивительно – будучи сторонником «тезиса индивидуализации» он тем не менее подчеркивает непреходящую значимость межпоколенных связей в китайской семье. Это резко отличает его трактовку «индивидуализации по-китайски» от концепции индивидуализированного общества З. Баумана, грустящего о потере семьей функции «вечно продолжающейся длительности» [Бауман, 2005: 173].

Различные определения понятия «фамилизм» охватывают два типа отношений – между семьей и индивидом и между семьей и государством. Разнообразие этих отношений в различных странах и в различные периоды истории дает основания говорить о «старом» и «новом» фамилизме, а также его национальных версиях, например, итальянской или китайской.

Традиционная китайская семья патрилокальна, а механизм наследования семейного имущества – патрилинейный. Это, с одной стороны, обуславливало исключительную значимость межпоколенных отношений по мужской линии (выполнение сыновнего долга считалось одной из важнейших добродетелей), с другой – приниженное положение женщин. Отсутствие сильного централизованного государства, наряду с конфуцианской культурной традицией, обуславливало исключительную роль семейных и родовых связей в общественной жизни – «старый» фамилизм.

Семейное законодательство, принятое после образования КНР, предоставило женщинам равные права с мужчинами. Новая идеология отвергала «старорежимные» семейные нормы, но одновременно принижала роль семьи – повседневная жизнь в маоистском Китае была строго регламентирована партийно-государственными установлениями и подчинена тому, что считалось высшими интересами государства. Реформы, проводившиеся с конца 1970-х гг., предоставили индивидуальной инициативе в экономической сфере невиданный в маоистском Китае простор. Эта инициатива, однако, была тесно вписана в сложившуюся ткань семейных и родовых связей – так возник неофамилизм.

Одним из его ярких проявлений стало сохранение прочных финансовых и эмоциональных связей между территориально разделенными членами семьи. Быстрый рост экономики Китая сопровождался многомиллионными миграциями, порожденными неравномерностью территориального развития страны. По данным официальной статистики, вне места постоянной регистрации в 2016 г. проживало 292 млн человек – более 1/5 населения КНР [China..., 2017: table 2–3]. При этом, как правило, молодежь и мужчины отправлялись на поиски работы, а старики, несовершеннолетние дети и, во многих случаях, жены оставались по прежнему месту жительства. Численность оставшихся на старом месте проживания детей составляет около 61 млн (38% всех детей, проживающих в сельских районах), жен – 36 млн [Duan, 2017: 5; Chenyue et al., 2017: 239].

Миграция, несомненно, была одним из проявлений индивидуальной инициативы, но в то же время оказывалась частью семейного проекта. Доля мигрантов, отправляющих переводы оставшимся по прежнему месту жительства родным и близким, оценивалась в 70–75% [Murphy, 2006: 21]. Мигранты, родившиеся в 1960-е гг., отправляют семьям до 60% своих доходов; в младших возрастных когортах этот показатель ниже и составляет немногим более 30% [Liqiu Zhao et al., 2018: 28]. Мномомиллионные трудовые миграции породили немало сложных социальных проблем, но одновременно способствовали сокращению масштабов сельской нищеты и повышению конкурентоспособности китайской экономики, получившей возможность использовать дешевую рабочую силу. Трансформировав свою структуру, семья оказалась не жертвой, а активным участником реформ.

Другой важнейшей сферой соединения индивидуальных и семейных интересов стало семейное предпринимательство. Китайские предприниматели склонны доверять членам семьи больше, чем наемным менеджерам, в силу чего 85,4% частных фирм в КНР

контролируются семьями [Xin et al., 2015: 581]. Семейные связи, тесно переплетаясь с гуанси (сетью личных связей и норм поведения в ней), играют важную роль при поиске работы, в особенности при поступлении на рабочие места, привлекающие многих соискателей [Xianbi Huang, 2008].

Условия, в которых сформировался китайский неофамилизм, крайне далеки от тех, что характерны для западных государств с развитой системой социального обеспечения. В Китае до сих пор отсутствует охватывающая все слои населения пенсионная система, вследствие чего материальная помощь престарелым родителям, а если необходимо и уход за ними, ложатся преимущественно на плечи семьи. В то же время исследователи китайской семьи подчеркивают роль не только «материальной», но и эмоциональной и нормативно-культурной компоненты межпоколенной солидарности в китайской семье.

Эволюция китайской семьи представляет собой нечто противоположное тому, что рисует построенная на европейском материале теория перехода от «детоцентристской» к супружеской семье [Aries, 1980]. Доля домохозяйств, в которых совместно проживают три и более поколения, не снижается: по данным всеобщих переписей, в 1982 г. эта доля составляла 18,80%, в 2000 г. – 19%, в 2010 – 18,12%, в том числе в городе 12,05%, в сельских районах 22,43% [Zhan Hu, Xi Peng, 2015: 5]. Аньци Сюй и Сюэ Яли полагают, что в действительности эта доля еще выше и выборочные обследования отражают ее более точно. По данным одного из них, в 2007 г. на домохозяйства из трех и более поколений приходилось 27,2% их общего числа в городах и 43,2% в сельской местности [Елисеева, Аньци Сюй, 2015: 177–179]. В то же время вследствие роста уровня жизни достаточно распространено и проживание порознь при финансовой поддержке старших младшими, а иногда, например, при покупке дома, и младших старшими [Haiyan Zhu, Yu Xie, 2017].

Пожизненный родительский долг перед детьми играет столь же важную роль как сыновний или дочерний – «политика одного ребенка» лишь усилила обе нормы. Анализ биографических историй, рассказанных единственными детьми, свидетельствует, с одной стороны, о самоотверженности родителей, жертвующих самым необходимым ради того, чтобы вывести ребенка «в люди», с другой – о детских стрессах, вызванных избыточной родительской опекой и требовательностью [Mei Zhong, 2005].

Новый китайский фамилизм отличает от старого и характер отношений с государством, несравнимо более сильным и «всепроникающим», чем в период до создания КНР. Государство весьма жестко ограничивает полномочия семьи в некоторых сферах (наиболее яркий пример – административные запреты на рождение второго ребенка, отмененные лишь недавно), но оставляет простор для реализации семейных экономических инициатив.

Сила семейных связей, заложенная в конфуцианском культурном коде и представляющая собой один из ключевых элементов цивилизационной матрицы Китая, сознательно ослаблялась государством в период маоизма. Однако в годы реформ эта сила проявила себя как мощный двигатель экономики. Тема кризиса семьи, обсуждаемая в России и странах Запада, не занимает в научной литературе, посвященной китайской семье сколько-нибудь значительного места. Эволюция китайской семьи свидетельствует, скорее, о ее огромных адаптационных возможностях, нежели кризисе. Принятый в последние годы руководством КНР курс на использование конфуцианских ценностей для поддержания социально-политической стабильности в условиях быстрых социальных изменений закрепляет новый альянс между государством и семьей, проявлением которого и стал неофамилизм.

Браки, внебрачные союзы и разводы: отличия от европейских паттернов. Либерализация поведенческих норм в сфере сексуальности и брака, занимающая столь важное место в теориях второго демографического перехода и индивидуализации [Van de Kaa, 1996: 425; Beck, Grande 2010; Beck-Gernshaim 2012], также наблюдается в России и Китае. По данным выборочного обследования, в Китае среди вступивших в брак в 1970–1979 гг. имели опыт предшествующего внебрачного союза только 1,1% мужчин и 1,4% женщин, в 1990–1999 соответственно 10,8 и 10,8%, в 2010–2012 – уже 41,5 и 46,4%. При этом

продолжительность внебрачного сожительства была невелика и составляла в среднем 11 месяцев [Jia Yu, Yu Xi, 2015: 616, 618]. В России неформальные сожительства, предшествующие зарегистрированному браку, как свидетельствуют результаты выборочных обследований [Захаров..., 2017: 98], также являются, если не всеобщей, то по меньшей мере широко распространенной практикой.

Тем не менее доля населения КНР, состоящего во внебрачных союзах, крайне мала и, по данным всекитайского выборочного обследования, составляет 0,5% всех семей [Елисеева, Аньци Сюй, 2015: 189], а в России, судя по итогам микропереписи 2015 г., стабилизировалась на достаточно умеренном по европейским меркам уровне. В незарегистрированном браке состояло в 2015 г. 7,4% населения в возрасте 16 лет и старше и 12,5% супружеских пар¹, тогда как в 2010 г. соответственно 7,6 и 13% [Социально-демографический..., 2012: 29]. Отметим, что столь сильные различия в значениях показателей, полученных на основе лонгитюдных обследований и переписей населения, объясняются разными принципами расчета. Первые фиксируют хотя бы однократное присутствие некоторого состояния, например, пребывания во внебрачном союзе в предшествовавшей биографии, тогда как вторые – нахождение в нем в данный момент.

Несмотря на широкое распространение молодежных внебрачных сожительства как в России, так и в Китае, представления о месте зарегистрированного брака в личной жизни отличаются от господствующих в Западной и Северной Европе. В западных обществах наблюдается прогрессирующее размывание прежней иерархии вариантов демографической биографии. Если раньше зарегистрированный брак между мужчиной и женщиной и рождение в нем детей рассматривались европейцами как предпочтительный вариант жизненного пути, то теперь добровольная бездетность, внебрачные союзы и рождения, а также однополые браки трактуются, по крайней мере в официальном и либеральном дискурсах, как равноценные тому, что раньше считалось наилучшим. В отличие от этого в России и все чаще в Китае внебрачные союзы рассматриваются массовым сознанием как вполне допустимый, но временный или вынужденный обстоятельствами вариант совместного проживания мужчины и женщины. «Венцом» же удавшейся личной жизни в представлении большинства населения остается счастливый зарегистрированный брак с детьми.

Одним из эмпирических подтверждений этого являются заметно более высокие, чем в странах Запада, значения общего коэффициента брачности в России и Китае. В то же время достижение идеала оказывается в обеих странах задачей, решить которую если и удастся, то далеко не всегда «с первой попытки», о чем свидетельствует более высокая, чем в странах Запада разводимость (табл.).

В странах Северной и Западной Европы реакцией на хрупкость браков стал массовый отказ от их регистрации. В России и Китае такой реакцией, напротив, оказывается регистрация браков, рассматриваемая как доказательство (иллюзорное или нет – иной вопрос) серьезности намерений. В результате по сумме браков и разводов на 1000 населения, характеризующей «брачный оборот», Россия и Китай значительно опережают страны Европы (рис.).

Как в России, так и в Китае, большинство населения считает, что партнерам, решившим обзавестись ребенком, необходимо вступить в зарегистрированный брак. В России этой точки зрения в 2018 г. придерживаются, судя по результатам опроса ВЦИОМ, 75% женщин и 67% мужчин². В Китае суждение «тем, кто собирается обзавестись детьми, следует вступить в брак» даже в младших возрастных когортах поддерживают (в зависимости от уровня образования и других характеристик) от 72 до 88% респондентов [Wei-Jun Jean, Yeung, Shu Hu, 2016: 460].

¹ См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html, табл. 1.2 (дата обращения: 25.08.2018).

² См.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923> (дата обращения: 15.08.2018).

Таблица

Динамика числа браков и разводов (на 1000 населения) в России, Китае и некоторых странах Европы в 1990–2016 гг.

Страна	Число браков на 1000 населения			Число разводов на 1000 населения		
	1990	2000	2016	1990	2000	2016
Россия	8,9	6,2	7,1*	3,8	4,3	4,1*
Китай	8,1	6,6	8,1	1,4	1,9	3,0
Германия	6,1	5,1	5,0	1,9	2,4	2,0
Франция	5,1	5,0	3,5	1,9	1,9	1,9
Италия	5,6	5,0	3,4	0,5	0,6	1,6

Примечание. *2017 г.

Источники: [Естественное..., 2018, табл.1; China..., 2017: table 22–25; Российский..., 2017: 50]; а также http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Marriage_and_divorce_statistics#Fewer_marriages.2C_more_divorces (дата обращения: 16.08.2018).

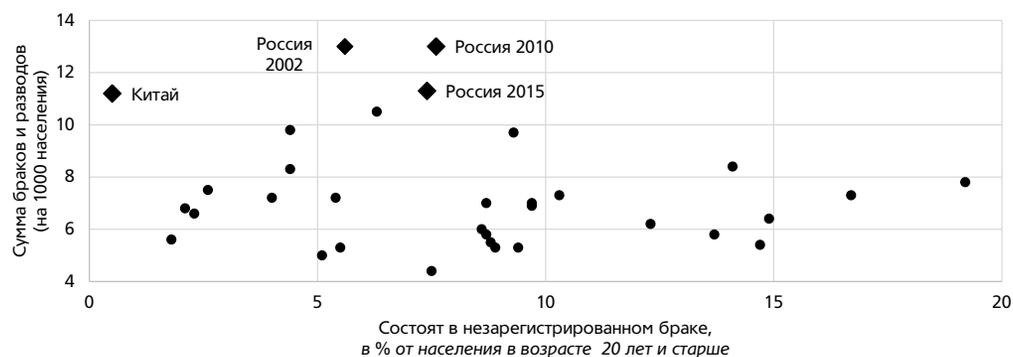

Рис. Браки, разводы и внебрачные сожительства: Россия и Китай на фоне 29 европейских стран (обозначены точками)

Источники: [Естественное..., 2018, табл.1; Социально-демографический..., 2012: 29; China..., 2017: table 22–25]; также см.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html, табл. 1.2 (дата обращения: 25.08.2018); http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Marriage_and_divorce_statistics#Fewer_marriages.2C_more_divorces (дата обращения: 25.08.2018); http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Marriage_and_divorce_statistics#Fewer_marriages.2C_more_divorces (дата обращения: 25.08.2018).

Грани и границы российского неотрадиционализма. Наблюдаемые сегодня неотрадиционалистские тенденции в российской демографической и семейной политике иногда подвергаются критике за то, что не учитывают «процесс трансформации брака и семьи, вызванный вторым демографическим переходом» и «деинституционализации семьи, вызванной общими процессами индивидуализации» [Стрельник, 2014: 97]. На наш взгляд, при подобной критике виновной в расхождении теории и той реальности, которую она пытается объяснить, объявляется не теория, а «не пожелавшая» развиваться в соответствии с ней реальность. «Второй демографический переход», «индивидуализация» и «деинституционализация» в действительности представляют собой не сами изменения семьи и ее отношений с индивидом и государством, а лишь возможные и отнюдь не безальтернативные интерпретации этих изменений.

Теория второго демографического перехода, например, подвергается критике уже не одно десятилетие (ее недавнее обобщение см.: [Zaidi, Morgan, 2017]); сюда «не

укладываются» и многие аспекты современного демографического развития России и Китая [Клупт, 2010]. Деинституционализация брака также подвергается обоснованным сомнениям – вопреки ослаблению внешних формальных и неформальных требований к браку, связанные с ним «интериоризованные и подразумеваемые предположения и неосознаваемые процессы подражания вероятнее всего сохраняются и в будущем» [Lauer, Yodanis, 2010: 67].

Российский неотрадиционализм в семейной сфере, как бы к нему не относиться, оказывается вполне закономерным, если вместо транзитологических и западоцентристских построений обратиться для его объяснения к совсем иным теориям – например, неозакратизма (О.И. Шкаратан) или институциональных матриц (С.Г. Кирдина). На наш взгляд, в основе неотрадиционалистских тенденций в отношениях государства, индивида и семьи в современной России лежат две причины – неудовлетворенность социальными итогами 1990-х гг. и смена потепления отношений с Западом их очередным похолоданием.

Возвращению государства на политико-демографическую арену во второй половине 2000-х гг. способствовали силы, действовавшие как «снизу», так и «сверху». Большая часть российского населения полагала, что государству следует принять специальные меры для повышения рождаемости – в ходе опроса ФОМ это утверждение поддержали, например, 85%³. С другой стороны, представление о том, что Россия нуждается в растущем населении, издавна входила в управленческий менталитет российских «верхов». Эмпирические исследования подтверждают идеологическое сходство запросов населения и мер, предлагаемых государством. Большинство населения, судя по их результатам [Зеликова, Чернова, 2012], не удовлетворено малым объемом государственной материальной помощи семьям, а отнюдь не ее «патернализмом».

Проводимая с 2007 г. демографическая политика является одним из феноменов, возникших в России на стыках «западного» и «почвенного». Ее меры, в сущности, близки тем, что под наименованием семейной политики осуществляются во многих странах Европейского союза. Отличие состоит в явной постановке собственно демографических целей и механизме их достижения – установлении целевых значений показателей рождаемости и продолжительности жизни и назначении государственных органов, ответственных за их достижение на федеральном и субфедеральном уровнях. В последнем случае наблюдается явное отдаление от западных стандартов и приближение к государственному планированию советского периода.

Возврат к позднесоветским представлениям о семье просматривается и в официальной семейной доктрине. «Традиционные ценности», многократно упоминаемые в Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 г.⁴, в действительности имеют мало общего с «домостроевскими» отношениями в семье и легитимировавшими их законодательными нормами Российской Империи. Новая трактовка «традиционных ценностей», скорее, воспроизводит представления о «крепкой советской семье», характерные для 1970–1980-х годов.

Значительная часть населения также понимает под традиционной семьей полную семью с детьми [Семейные..., 2013: 5–6]. «Традиционализм» современного российского массового сознания выражается не в преклонении перед патриархальной семьей прошлого, а, скорее, в неприятии «нетрадиционных» моделей поведения и идей, таких как добровольная бездетность, признание незарегистрированных партнерств равноценными зарегистрированным бракам и узаконивание однополых браков. Эти идеи ассоциируются с западными паттернами, которые из фетиша, какими они были в начале реформ, все более превращаются в жупел. По данным опросов Левада-центра, в 2016 г. 68% респондентов считали, что России следует стремиться к ограничению американского влияния, а доля россиян, положительно оценивающих США, составлявшая 80% в 1990 г., в 2016–2018 гг.

³ См.: <http://bd.fom.ru/report/cat/demo/dd062025> (дата обращения: 12.08.2018).

⁴ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р.

варьировала (в зависимости от времени опроса) в интервале от 20 до 42%⁵. Опросы ВЦИОМ показали, что в 1991 г. считали «всегда предосудительными» внебрачные сексуальные связи людей, состоящих в браке 35% респондентов, тогда как в 2018 – уже 52%; однополые связи «всегда предосудительными» соответственно 57 и 75%⁶.

В то же время представления большинства россиян о «правильной семье» не имеют с патриархальной традиционностью практически ничего общего. По данным опроса ВЦИОМ, в 2018 г. 82% респондентов полагали, что мужчины и женщины являются равноправными членами семьи и должны принимать важные решения совместно. Распределение домашних обязанностей между супругами становится все более равномерным – покупка продуктов, например, в 2011 г. осуществлялась только женщиной в 38% семей, совместно – в 50%, в 2018 г. соответственно в 22 и 67%⁷. Судя по опросам ФОМ, 66% респондентов в 2011 г. и 77% в 2017 г. «скорее положительно» отнеслись бы к ситуации, когда кто-то из их знакомых или родственников, став отцом, принял бы решение взять отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет⁸. За запрет аборт, судя по данным ВЦИОМ, в 2016 г. выступали лишь 18% опрошенных⁹. Российский традиционализм в семейной сфере является, таким образом, прежде всего идеологическим феноменом, находящим свое отражение в массовом сознании и, в значительно меньшей степени, в повседневных практиках типичной российской семьи.

Заключительные замечания. Существующие интерпретации социальных феноменов незападного мира делятся на две принципиально различных группы. Первая из них трактует эти феномены как сформировавшиеся с некоторым опозданием копии соответствующих западных прототипов. Проблемы объяснения незападного феномена при таком подходе не возникает, достаточной оказывается ссылка на авторитет исследователей, предложивших объяснение его западного прототипа.

Вторая группа интерпретаций, обладающая, на наш взгляд, большей объяснительной силой, исходит из того, что социальные феномены незападного мира представляют собой нечто гораздо более сложное, чем просто запоздалые копии их западных прототипов. Данного постулата придерживаются теории различного уровня общности – множества модерностей, неозакратизма, институциональных матриц, а также ряд других. Все они, так или иначе, объясняют незападные социальные феномены на основе исторических, географических, культурных и других факторов, кристаллизовавшихся в институциональных структурах западных цивилизационных ареалов. При таком подходе западные феномены трактуются как «идеальный тип» (в смысле М. Вебера), полезный для лучшего понимания того, что происходит за пределами Запада, но отнюдь не обязательно представляющий собой прообраз будущего западных обществ.

Неофамилизм в современном Китае представляет собой специфическое сочетание традиций и новаций, западного и «почвенного». Реформы вырвали китайского крестьянина из привычного социального контекста – в этом отношении проводимая в [Beck, Grande, 2010; Yunxiang Yan, 2010] аналогия с неолиберальным «изъятием» (*dis-embedding*) европейского индивида из институтов, ранее гарантировавших ему привычный образ жизни, вполне правомерна. Однако, если результатом подобного «изъятия» в Западной Европе стало, в терминах З. Баумана, индивидуализированное общество, то в Китае – неофамилизм, адаптировавший к новым условиям жизни многовековую систему семейных ценностей и связей. В России «возвращение государства», последовавшее за его временным отступлением в начале реформ, было во многом предопределено институциональной

⁵ См.: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/11/USA_Russia_Levada_Chicago-2016_rus.pdf; <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/> (дата обращения: 25.08.2018).

⁶ См.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116695> (дата обращения: 25.08.2018).

⁷ См.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (дата обращения: 25.08.2018).

⁸ См.: <https://fom.ru/infografika/13670> (дата обращения: 25.08.2018).

⁹ См.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=444> (дата обращения: 25.08.2018).

матрицей, в которой оно всегда играло огромную роль. Демографическая политика России стала лишь одним из многих проявлений этого процесса.

Говоря о влиянии реформ на традиции и новации, не стоит забывать и о циклической компоненте изменений, которой обычно уделяется неоправданно мало внимания. Между тем в процессах, рассмотренных в данной статье, цикличность проявлялась сразу в нескольких взаимосвязанных аспектах. Один из них – движение социального маятника от позднесоветского консерватизма к аномии в начале реформ и последовавшего затем обратного хода к сегодняшнему неотрадиционализму. Второй – геополитическая цикличность, выражающаяся в периодическом улучшении и ухудшении отношений России и Китая с Западом. В обеих странах ухудшение этих отношений сопровождается как на уровне официальных концепций, так и массового сознания, обращением к «почвенному». В Китае его выражением становится возврат к конфуцианству¹⁰, в России – к «традиционным ценностям». Третий, наиболее поверхностный, аспект связан с цикличностью любой моды, в том числе на «все западное» или, напротив, «свое, родное».

Жанр сравнительного анализа, в котором выполнена данная статья, не предполагает развернутых рекомендаций по проведению демографической и семейной политики. Ограничимся соображениями самого общего характера. Современная семья, несомненно, страдает рядом дисфункций. В России наиболее серьезной из них является неспособность семьи обеспечить хотя бы простое воспроизводство населения, а в обеих странах – большое количество «сбоев» при попытке найти такой баланс индивидуальных интересов, который устраивал бы обоих супругов. Тем не менее период, прошедший с начала реформ в России и Китае, в очередной раз показал, что институт семьи представляет собой социальный организм, обладающий мощным потенциалом трансформации и самоизлечения.

Применительно к России это означает, что предпочтительной стратегией лечения названных болезней являются не попытки радикального хирургического вмешательства в виде законодательных запретов, а консервативная терапия. Больному социальному организму, если считать таковым семью, необходимы условия, в максимальной степени способствующие проявлению его защитных сил. В переводе на практический язык это означает необходимость шаг за шагом наращивать мероприятия, улучшающие условия жизни семей и благоприятствующие проявлению их экономической инициативы. Не менее важно научиться эффективно использовать современные коммуникативные технологии для пропаганды семейных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Елисеева И.И., Аньци Сюй (ред.). Семья в России и Китае: процесс модернизации. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Естественное движение населения Российской Федерации за 2017 год / Федер. служба гос. статистики. М., 2018.
- Захаров С.В. (ред.). Население России 2015: двадцать третий демографический доклад. М.: ВШЭ, 2017.
- Зеликова Ю.А., Чернова Ж.В. Патернализм современной российской семейной политики: позиция государства и ожидания граждан // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 96–110.
- Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. № 8. С. 60–71.
- Российский демографический ежегодник 2017 / Росстат. М., 2017.
- Семейные ценности в современных СМИ. М.: ЦИРКОН, 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4de/Semeynie_cennosti_v_SMI_Analiticheskoe_resume.23.10.13.pdf (дата обращения: 25.08.2018).
- Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.

¹⁰ См.: China Focus: CPC Revitalizes Confucianism for Public, Official Education. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/28/c_136645600.htm (дата обращения: 16.08.2018).

- Стрельник Е.А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97–102.
- Aries P. Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West // *Population and Development Review*. 1980. Vol. 6. No. 1. P. 645–650.
- Barbalet J. Chinese Individualization, Revisited // *Journal of Sociology*. 2016. Vol. 52. No. 1. P. 9–23.
- Beck U., Grande E. Varieties of Second Modernity: the Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research // *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. No. 3. P. 409–443.
- Beck-Gernsheim E. From Rights and Obligations to Contested Rights and Obligations: Individualization, Globalization, and Family Law // *Theoretical Inquiries in Law*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 1–14.
- Chenyue Zhao, Xudong Zhou, Feng Wang, Minmin Jiang, Hesketh T. Care for Left-behind Children in Rural China: A Realist Evaluation of a Community-based Intervention // *Children and Youth Services Review*. 2017. No. 82. P. 239–245.
- China Statistical Yearbook 2017. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (дата обращения: 25.08.2018).
- Duan Chengrong, Qin Min, Lai Miaohua. Study on Left-behind Wives in China // *Population Journal*. 2017. Vol. 39. No. 221. P. 5–17.
- Jia Yu Yu Xie. Cohabitation in China: Trends and Determinants // *Population and Development Review*. 2015. Vol. 41. No. 4. P. 607–628.
- Haiyan Zhu, Yu Xie. Buying out of Familial Obligation: The Tradeoff between Financially Supporting versus Living with Elderly Parents in Urban China // *Chinese Journal of Sociology*. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 56–73.
- Lan Kang. Differences and Sameness between Generations: the Emergence of Neo-familism // Социологический альманах. Минск: Ин-т социологии НАН Беларуси. 2016. P. 470–483.
- Lauer S., Yodanis C. The Deinstitutionalization of Marriage Revisited: A New Institutional Approach to Marriage // *Journal of Family Theory & Review*. 2010. Vol. 2. P. 58–72.
- Liqiu Zhao, Shouying Liu, Wei Zhang. New Trends in Internal Migration in China: Profiles of the New-generation Migrants // *China and World Economy*. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 18–41.
- Mei Zhong. The Only Child Declaration: A Content Analysis of Published Stories by China's Only Children // *Intercultural Communication Studies*. 2005. Vol. XIV. No. 1. P. 9–27.
- Murphy R. Domestic Migrant Remittances in China: Distribution, Channels and Livelihoods. Geneva: IOM, 2006.
- Van de Kaa D. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research of Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50. No. 3. P. 389–432.
- Wei-Jun Jean Yeung, Shu Hu. Paradox in Marriage Values and Behavior in Contemporary China // *Chinese Journal of Sociology*. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 447–476.
- Xin Chun Li, Ling Chen, Jess H. Chua, Kirkman B., Rynes-Weller S., Gomez-Mejia L. Research on Chinese Family Businesses // *Perspectives Management and Organization Review*. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 579–597.
- Xianbi Huang. Guanxi Networks and Job Searches in China's Emerging Labour Market: a Qualitative Investigation // *Work, Employment and Society*. 2008. Vol. 22. No. 3. P. 467–484.
- Yunxiang Yan. The Chinese Path to Individualization // *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. No. 3. P. 489–512.
- Yunxiang Yan. Intergenerational Relatedness and Neo-Familism in Contemporary China. URL: http://www.san.ed.ac.uk/events/research_seminars/2015_2016/intergenerational_relatedness_and_neo-familism_in_contemporary_china (дата обращения: 25.08.2018).
- Zaidi B., Morgan F. The Second Demographic Transition Theory: a Review and Appraisal // *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43. P. 473–492.

Статья поступила: 20.09.18. Принята к публикации: 18.02.19.

FAMILY IN RUSSIA AND CHINA: BETWEEN REFORMS AND TRADITIONS

KLUPT M.A.

*Saint-Petersburg State University of Economics, Russia**Mikhail A. KLUPT, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Dean of Faculty of Humanities at Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (klupt@mail.ru).***Acknowledgments.** Research is supported by the grant of RHSF № 16-23-22-002.

Abstract. The aim of the paper is to describe, compare and explain phenomena, which arise from interaction of the market reforms and traditional family values in both Russia and China. Discussion on application of the individualization thesis to relations between family and individual in the present-day China is scrutinized. Concept of Neo-Familism, which provides explanation of how market innovations and family traditions intertwine in China, is considered. The neo-traditional tendencies in both Russian official family doctrine and mass consciousness are analyzed. It is argued that these tendencies are caused by both dissatisfaction with the social outputs of the market reforms of the 1990s and grass-root rejection of some Western patterns in the domain of sexuality, marriage and family. At the same time, the shift to neo-traditionalism is mainly ideational phenomenon because of increasing uniformity of the spouses' household duties in the everyday family life. The marriage and divorce rates in both Russia and China are significantly higher than in Western countries. It shows that although registered marriage continues to be an ideal in both Russia and China, the conjugation of the spouses' interests remains as thorny as in Western societies. It is concluded that theories, focused on the institutional peculiarities of Non-Western societies, provide a more reliable base to explain family change in contemporary Russia and China than unilinear and universalistic conceptions.

Keywords: family, Russia, China, Neo-Familism, reforms, traditional values.

REFERENCES

- Aries P. (1980) Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West. *Population and Development Review*. Vol. 6. No. 1: 645–650.
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Barbalet J. (2016) Chinese Individualization, Revisited. *Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 1: 9–23.
- Beck U., Grande E. (2010) Varieties of Second Modernity: the Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research. *British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3: 409–443.
- Beck-Gernsheim E. (2012) From Rights and Obligations to Contested Rights and Obligations: Individualization, Globalization, and Family Law. *Theoretical Inquiries in Law*. Vol. 13. No. 1: 1–14.
- Chenyue Zhao, Xudong Zhou, Feng Wang, Minmin Jiang, Hesketh T. (2017) Care for Left-behind Children in Rural China: A Realist Evaluation of a Community-based Intervention. *Children and Youth Services Review*. No. 82: 239–245.
- China Statistical Yearbook 2017. (2017) URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (accessed 25.08.2018).
- The Demographic Yearbook of Russia*. (2017) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Duan Chengrong, Qin Min, Lai Miaohua. (2017) Study on Left-behind Wives in China. *Population Journal*. Vol. 39. No. 221: 5–17.
- Elisseeva I.I., Xu Anqi (eds) (2015) *Family in Russia and China. Process of Modernization*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russ.)
- Family Values in Contemporary Media*. (2013) Moscow: Tsirkon. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4de/Semeynie_cennosti_v_SMI_Analiticheskoe_resume.23.10.13.pdf (accessed 25.08.2018). (In Russ.)
- Jia Yu Yu Xie. (2015) Cohabitation in China: Trends and Determinants. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 4: 607–628.
- Haiyan Zhu, Yu Xie. (2017) Buying out of Familial Obligation: The Tradeoff between Financially Supporting versus Living with Elderly Parents in Urban China. *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 3. No. 1: 56–73.
- Klupt M.A. (2010) Demographic Agenda of the XXI Century: Theories and Realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 60–71. (In Russ.)
- Lan Kang. (2016) Differences and Sameness between Generations: the Emergence of Neo-familism. In: *Sotsiologicheskii al'manakh 2016* [Sociological Almanac 2016]. Minsk: In-t sotsiologii NAN Belarusi: 470–483.

- Lauer S., Yodanis C. (2010) The Deinstitutionalization of Marriage Revisited: A New Institutional Approach to Marriage. *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 2 (March): 58–72.
- Liqiu Zhao, Shouying Liu, Wei Zhang. (2018) New Trends in Internal Migration in China: Profiles of the New-generation Migrants. *China and World Economy*. Vol. 26. No. 1: 18–41.
- Mei Zhong (2005) The Only Child Declaration: A Content Analysis of Published Stories by China's Only Children. *Intercultural Communication Studies*. Vol. XIV. No. 1: 9–27.
- Murphy R. (2006) *Domestic Migrant Remittances in China: Distribution, Channels and Livelihoods*. Geneva: IOM.
- Sociodemographic Picture of Russian Federation According to Results of All-Russian Population Census 2010*. (2012) Moscow: IITS «Statistika Rossii». (In Russ.)
- Strel'nik E.A. (2014) Public Neo-traditionalism and Family Policies in Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 9: 97–102. (In Russ.)
- Van de Kaa D. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research of Determinants of Fertility. *Population Studies*. Vol. 50. No. 3: 389–432.
- Vital Statistics of Russian Federation in 2017*. (2018) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Wei-Jun Jean Yeung, Shu Hu. (2016) Paradox in Marriage Values and Behavior in Contemporary China. *Chinees Journal of Sociology*. Vol. 2. No. 3: 447–476.
- Xin Chun Li, Ling Chen, Jess H. Chua, Kirkman B., Rynes-Weller S., Gomez-Mejia L. (2015) Research on Chinese Family Businesses. *Perspectives Management and Organization Review*. Vol. 11. No. 4: 579–597.
- Xianbi Huang. (2008) Guanxi Networks and Job Searches in China's Emerging Labour Market: a Qualitative Investigation. *Work, Employment and Society*. Vol. 22. No. 3: 467–484.
- Yunxiang Yan. (2010) The Chinese Path to Individualization. *British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3: 489–512.
- Yunxiang Yan. (2016) *Intergenerational Relatedness and Neo-Familism in Contemporary China*. URL: http://www.san.ed.ac.uk/events/research_seminars/2015_2016/intergenerational_relatedness_and_neo-familism_in_contemporary_china (accessed 25.08.2018).
- Zaidi B., Morgan F. (2017) The Second Demographic Transition Theory: a Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*. Vol. 43: 473–492.
- Zakharov S.V. (ed.) (2017) *Russia's Population in 2015. 23rd Annual Demographic Report*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Zelikova Yu.A., Chernova Zh.V. (2012) Paternalism of Contemporary Russian Family Policy: the State Position and the Citizens' Expectations. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Man. Community. Management]. No. 4: 96–110. (In Russ.)

Received: 20.09.18. Accepted: 18.02.19.